

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАРРАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

Исходным тезисом данной статьи является утверждение, что идентичность человека есть социальный конструкт, и его постоянное взаимодействие с другими людьми, формирование различного рода сообществ, вхождение в ту или иную социальную группу определяют его включенность в мир, представленный в качестве хорошо организованной истории. Всевозможные контакты с окружающими, узлы его взаимосвязей являются некими смысловыми точками, пунктами концентрации социо-культурного повествования. И основной вопрос тогда состоит в том, каким образом нарративная структура проявляет себя на уровне общественного устройства и раскрывается в оформлении социальных связей. Целью же настоящей статьи является демонстрация того, как внутри культурно-исторического нарратива основными задачами субъекта становятся нормирование сюжетов самовыражения и доведение собственного нарративно-дискурсивного позиционирования до культурного эталона в сетях сюжетных линий и повествовательных инстанций.

Поскольку социальное всегда определяется множеством психологических сущностей и личностных моделей, то представляется возможной их классификация и организация в соответствии с нарративной схемой. И тогда в первую сеть войдут все единицы, имеющие отношение к той или иной сущности человека (*если вы хотите быть такой-то/таким-то, то вам нужно позиционировать себя так-то*). Во вторую сеть схемы войдут все единицы, имеющие отношение к человеческой деятельности, либо предлагаемые обстоятельства, в которых она осуществляется (*если вы хотите обозначить, что делаете то-то, позиционируйте себя так-то*). То есть социальный нарратив прочитывается либо как деятельность (сама по себе или благодаря своим обстоятельствам – что, где, когда), либо как идентичность (кто).

Каждый акт идентичности всегда уже подразумевает проработку и конструирование персональной значимости, которая есть деятельность, отвечающая за процесс упорядочивания значений событий. По мнению многих исследователей, люди прибегают к семиотическим ресурсам дискурсивных самообъяснений для того, чтобы скоординировать проецируемую ими идентичность, проекты своего

воображаемого Я, посредством которых они только и могут существовать.

Таким образом, беря нарративные модели за образец, можно перейти к рассмотрению социальной реальности. Для этого необходимо акцентировать внимание на лингвистических или «социально-конструкционистских» подходах, и показать, что любой образ «Я», фактически сама возможность понятия «Я» (идентичности), неразрывно связаны с нарративно-дискурсивными практиками, используемыми людьми в обыденной жизни для придания смысла своим и чужим действиям и поступкам.

Чтобы иметь большее представление о существующих сегодня моделях «Я» в области психологии, нарратологии, социологии, рассмотрим некоторые концепции, являющиеся значимыми для определения понятий индивида и субъекта вообще.

Так представители дискурсивной психологии Джонатан Поттер, Маргарет Уэзерелл демонстрируют ряд традиционных моделей «Я», основное допущение которых заключается в том, что «Я» - это некая субстанция, сущность. А, следовательно, как любой другой сущности или физическому объекту, ему можно дать окончательное определение. Другими словами, предполагается, что «Я» обладает некоторой истиной природой или набором характеристик, которые могут быть раскрыты и соответствующим образом описаны.¹

Одной из традиционных концепций является *теория черт*, которая предлагает одну из наиболее влиятельных моделей «Я» в социальной психологии. Эта теория рассматривает «Я» как «личность», то есть представляет его состоящим из поддающихся измерению личностных черт, способностей и атрибутов.

В качестве оппонента теории черт выступает *теория социальных ролей*, которая все же не выходит за рамки традиционного представления о субъекте, но уже пытается разрешить противоречие между индивидуальным самовыражением и социальной детерминированностью индивида.

В отличие от теории черт, теория ролей допускает возможность фрагментации «Я», так как разные роли могут требовать разных идентичностей. И такое наличие множества идентичностей,

которые часто противоречат друг другу, может вызывать внутренний конфликт, что недопустимо с точки зрения теории черт и ее модели «Я». Несмотря на отличия этих двух теорий, они все же основаны на одном общем допущении, что путем терпеливого изучения - феноменологическим ли проникновением, наблюдением ли за большими выборками - истинная природа и субстанция «Я» могут быть, в конце концов, познаны. То есть, можно сказать, что они объединяются одной общей теорией, которую в психологии определяют как гуманистическую традицию понимания личности. В ее основных формулировках содержится возможность различия между публичным и личным «Я», то есть признание другого «Я», которое выбирает, какую роль играть, и которое следит за исполнением роли.

С точки зрения гуманистов, сознание индивида двойственно, как двойственно сознание актера на сцене - с одной стороны, есть исполняемая роль, с другой - есть истинное «Я» актера, которое управляет действием и в некотором смысле дистанцировано от разыгрываемой роли. Но истинное «Я» с его стремлением к самореализации и самоактуализации есть не что иное, как возвращение к классическому субъекту гуманистической философии модерна, в которой он репрезентирован как отправная точка общественной жизни и всякого знания об обществе.

Подобное обращение к гуманистическим моделям личности подверглось жесткой критике, как со стороны психоаналитических направлений, так и со стороны новых направлений в области философии языка - лингвистики, структурализма, постструктурализма, деконструктивизма. Именно они в большей степени, нежели разговорный анализ или изучение речевых действий повлияли на движение по направлению к дискурсивной модели «Я» и развитие альтернативных, лингвистических подходов к «Я».

По мнению Дж. Поттера, М. Уэзерелл, главной целью этого критического движения является перемещение фокуса анализа с «Я-как-сущности» на методы конструирования «Я». То есть, вопрос заключается не в том, какова истинная природа «Я», а то, как мы говорим о «Я», каковы те дискурсы, которые мы используем, выстраивая касающиеся «Я» теории. Множественное «Я» обнаруживает себя в различных лингвистических практиках, в различных дискурсах социума и культуры. Таким образом, утверждается, что психологические модели, внутренней идентичности неизбежно культурно и исторически обусловлены и зависят от определенных социальных практик. В них отражается не внутренняя неизменная сущность самого «Я», но социальная история, а точнее, языковые практики, превалирующие в том или ином контексте.

В таком случае, исследователь, придерживаясь конструктивистской позиции, должен

фокусироваться на множественности идентичности или «Я» - конструкций и вместо безуспешных попыток описания индивида, его действий и поиска смысла этих действий, обратиться к описанию тех или иных лингвистических практик, порождающих действия и типы событий. Способы позиционирования «Я» – выстраивание моделей своей идентичности и их репрезентация – могут быть негативными, деструктивными, репрессивными, так же как и ведущими к положительным переменам, в зависимости от направления дискурса общества.

Это вполне соответствует структуралистской установке, в которой утверждается, что мы знаем «реальность» сконструированной и структурированной на основании определенных конвенциональных кодов и установленных соглашений, то есть мы знаем «социальную конструкцию реальности». Связь же таких концептов как реальное, социальное, индивидуальное определяется теми же кодами и конвенциями, которые задают им направление и заставляют работать в рамках установленных правил и по определенным законам, а именно по законам нарратива.

Так А. Греймас предлагает описывать и классифицировать персонажей повествований в зависимости от того, что они делают, а не чем они являются, – отсюда и название, которое он им дает, – *актанты*. В качестве примера он ссылается на исследовательскую работу мифографов, описывающих пантеон богов в двух направлениях. В одном случае, исследователь исходит из набора функциональных сообщений и, с помощью процедур редукции и гомологизации, определяет явление, которое можно назвать сферой деятельности указанного божества. Во втором случае, учитывается вся совокупность характеристик божества, которые можно обнаружить в форме прозвищ, устойчивых эпитетов, атрибутов. Исходя из них, исследователь получает возможность определить духовный облик божества.

Как мы уже видели, то же самое происходит, когда мы пытаемся определить роль и статус индивида в обществе: согласно первому принципу, всякий индивид узнается по тому, *что он делает*, и тем самым предстает как «один из актантов определенного идеологического универсума»; с точки зрения второго определения, индивид узнается по тому, *как он нечто делает* и «он оказывается одним из актантов, благодаря которым происходит систематизация той или иной коллективной аксиологии». ² Оба предикативных типа анализа (функциональный и квалификативный) не противоречат друг другу, но при определенных условиях могут даже рассматриваться как взаимодополняющие, а их результаты как обратимые при переходе от одной модели построения идентичности к другой. По мнению Греймаса, проблема разграничения дескриптивных подходов возникает позднее: «когда актанты уже установлены,

то есть наполнены определенным содержанием, появляется необходимость попытаться описать тот микроуниверсум, в котором они существуют или действуют». ³ И тогда возникают вполне закономерные вопросы: если мы говорим об актантах как героях повествования, где они взаимодействуют друг с другом и вплетены в общую ткань сюжетной линии, то мы должны определить: во-первых, каковы их взаимные отношения и способ совместного существования; во-вторых, в чем заключается их «деятельность», и если она является преобразующей, то каковы рамки этого преобразования?

На этом этапе дескриптивного анализа актантов появляется затруднение—сама связь между актантами и предикатами представляется двусмысленной. На уровне отдельно взятых сообщений (высказываний, действий) функции и качественные определения кажутся принадлежащими, приданными актантам; но на уровне общего нарративно-дискурсивного проявления происходит нечто противоположное: последовательность функций и перечень качественных определений выступают теперь как факторы, создающие актанты, как организационные модели, принадлежащие более высокому уровню, чем сами актантные модели. Греймас со своей стороны также подчеркивает этот двойной статус актантов: «актанты де-факто оказываются предшествующими предикатам» и в этом случае они понимаются как «инвестированное внутрь каждого универсума содержание»; в то же время «они де-юре предшествуют предикатам, а дискурсивная деятельность состоит в приписывании свойств сущностям». ⁴ Таким образом, сами актанты перестают пониматься как отдельные персонажи, а становятся конститутивными категориями, которые в обществе служат структурными дискурсивными рамками, позволяющими организовывать содержание нарратива: с одной стороны, они составляют идеологический план и формируют действия; с другой стороны, составляют аксиологический план и являются обоснованием существующих ценностей. Здесь очевидна аналогия с теорией социальных ролей, в которой роль - это, с одной стороны, последовательность действий, совершаемых индивидом в соответствии с отведенной ролью, с другой стороны, это перечень сопутствующих характеристик и черт. Роль задана общей направленностью сюжетной линии культурного нарратива, и именно она определяет и формирует индивида и его идентичность. В этом случае множественность классов и под-классов актантов, хоть и говорит о возможности трансформации идентичности, но лишь в рамках установленных структурных границ и заданных образцов.

Пытаясь же определить структуру отношений между заданными функциями и качествами в рамках дискурсивного проявления, мы можем проинтерпретировать нарратив (повествование)

двоичным образом и тем самым выявить существование двух имманентных моделей. Первая интерпретация обнаруживает конституирующую модель, выступающую как «протокольная форма организации противоречивых аксиологических содержаний», где актант определяется как наделенный либо одним устойчивым содержанием, либо другим – ценностно противоположным, что, в свою очередь, влияет на определение его функций. Вторая же интерпретация, напротив, открывает существование *трансформационной модели*, «предлагающей идеологическое решение и предоставляющей возможность для преобразования заложенных в модели содержаний». ⁵ Повествование может утверждать и устойчивость, и возможность перемен, обязательный порядок и свободу, которая разрушает или восстанавливает этот порядок. То есть, вопрос состоит в том, действительно ли нарратив как организационная структура допускает наличие этого свободного субъекта, влияющего на установление порядка или его нарушение? Но это противоречит самой структуре нарратива, внутри которого сама деятельность субъекта сводится к той или иной повествовательной модели, то есть его «свободная» деятельность необходима лишь для подтверждения исходной структуры, либо для утверждения новой. Отсюда, представляется возможным, как это сделал Греймас, объединить повествования в два больших класса: повествования о существующем порядке как о принятом или как отвергнутом. На уровне человека (или героя, персонажа, актанта) это преподносится в форме «испытания», а повествование выступает здесь в форме посредника. «Исходной точкой являются констатация некоего существующего порядка и потребность в обосновании, в разъяснении этого порядка [...] Посредничество повествования состоит в «гуманизации мира», в придании ему индивидуального и событийного измерения. Мир становится оправданным человеком, а человек оказывается вписанным в этот мир». ⁶ Это тот случай, когда сформированная модель идентичности демонстрирует свою устойчивость и стабильность.

Во втором случае порядок рассматривается как несовершенный, человек – как сумасшедший, ситуация – как невыносимая. Схема повествования выступает в данном случае как архетип посредничества, как обещание спасения: «нужно, чтобы человек взял на себя ответственность за судьбы мира, чтобы он преобразовал его, переходя от борьбы к испытанию, и наоборот». ⁷ Нарратив предлагает модели, предоставляющие различные формы «сотеризма», дающие разрешение любой невыносимой ситуации нехватки.

Итак, трансформация исходной актантной модели возможна при прохождении функции «борьбы», которая оказывается лишенной собственного содержания, и включается в содержание «последствия». «Последствие» же является

результатом или санкцией «договора», заключенного еще до начала «борьбы», и лежащего в основании «испытания». И теперь уже «испытание» является образным выражением *трансформационной модели*, предполагающей наличие структур с противоположным аксиологическим содержанием, и в то же время дающей представление об их преобразовании (по ходу рассказа злодей, пройдя испытание, может стать добрым; и наоборот, положительный герой, не пройдя испытания, смещается на противоположную позицию). И, тем не менее, несмотря на возможность трансформации исходной модели, результирующая модель оказывается еще более устойчивой за счет превзойденного испытания. Это преобразование с сохранением идентичности, нарративной непрерывности, которая случайный набор знаков перерабатывает и интегрирует в последовательную историю. А каждый новый акт идентичности всегда уже подразумевает проработку и конструирование

персональной значимости для нарративных моделей культуры, одна из которых на какой-то момент времени становится воплощением установок и интересов существующей традиции.

Рассказы, таким образом, являются воплощением идеологических установок общества, разделяя членов сообщества на тех, кто знает и тех, кто не знает, то есть определяя между ними отношения субординации - власти и подчинения - сами наделяют себя властью.

1 Поттер Дж. и Уэзерелл М. Дискурс и субъект // http://www.psylib.ukrweb.net/books/_pottu01.htm.

2 Греймас А. Структурная семантика: поиск метода. – М.: Академический проект, 2004, с. 248.

3 Indid, с. 249.

4 Indid, с. 186.

5 Indid, с. 306.

6 Indid, с. 307.

7 Indid, с. 307.

ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.И. Перина

Перина Е. И.
магистрант факультета политологии
и социологии УрГУ

Исследования в рамках теории политической культуры во многом сводятся к изучению ее поведенческих, аксиологических и институциональных компонентов. С этой точки зрения, это продолжает традицию исследования политической культуры, заложенную еще в 50-х годах XX века Г. Алмондом и С. Вербой. Следовательно, можно заключить, что методология анализа данного феномена практически не изменилась, корректируясь

лишь в соответствии с требованиями времени. Конечно же, появляются и качественно новые подходы к анализу этого феномена, однако, в целом ситуацию с исследованиями политической культуры политологи не характеризуют в терминах перехода к новому состоянию.¹ Важной предпосылкой появления нового рода подходов к анализу политической культуры «может быть уточнение «смыслосодержания» концепта политической культуры и сопутствующих ему понятий».²

Один из вариантов дискурсивного анализа политической культуры представлен в работах К.Ф. Завершинского, который характеризует политическую культуру как политический текст. В то время как «культурное бытие человека в политике – способность воспринимать, «читать и осваивать» социально-политическое пространство сквозь призму социально значимых иерархий. Таким образом, политическая культура («символический капитал») – специфический (дискурсивно-символический) способ интеграции политической действительности в разумную и духовную целостность».³ Такой подход, на наш взгляд, обусловлен развитием политической дискурсологии и, безусловно, является достаточно интересным и перспективным, поскольку позволит по-новому взглянуть на феномен политической